

Льюис Кэрролл

ОХОТА НА СНАРКА

**(ВЫСТУПЛЕНИЕ ИЗ ВОСЬМИ
ПРИСТУПЛЕНИЙ)**

Перевод с английского Н. Гоголева

Этот рассказ мы с загадки начнем –

Даже Алиса ответит едва ли:

Что остаётся от сказки потом –

После того, как её рассказали?

Владимир Высоцкий

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Итак, «Охота на Снарка*».

«Шедевр нонсенса», как назвал её Мартин Гарднер, известный американский математик и исследователь кэрролловского творчества. Поэма, являющаяся, по собственным словам автора, «плодом внезапного озарения», но оставшаяся недоступной для однозначного толкования и после десятков лет изучения и анализа. Что, впрочем, и неудивительно, так как она и создана в противовес человеческой логике и рациональности. Но сущность человека не позволяет ему примириться с непонятным, поэтому попытки как-то осмыслить «Охоту», связав её с конкретной исторической или научной реальностью, сопровождают поэму со дня публикации и до сих пор. Всё это только подтверждает слова самого Кэрролла, что «Охота на Снарка» – чистой воды абсурд, прекрасный тем, что рождает в его почитателях различные ассоциации, серьёзные и шуточные.

Особое место в «снаркомании» занимают, понятно, переводы поэмы на другие языки. Большинство английских слов многозначны и подбирать то или иное значение при переводе зачастую приходится по смыслу, но, если смысл отсутствует, то задача становится намного сложнее, но зато и намного интереснее.

Каждый имеет право на свой вариант перевода.

Это – мой.

Итак, «Охота на Снарка»!..

* см. примечания на стр. 4

Льюис Кэрролл – Бармаглот*

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в нове.

О бойся Бармаглота, сын!
Он так свиреп и дик,
А в глуще рымит исполин –
Злопастный Брандашмыг!

Но взял он меч, и взял он щит,
Высоких полон дум.
В глущобу путь его лежит
Под дерево Тумтум.

Он стал под дерево и ждёт,
И вдруг граахнул гром –
Летит ужасный Бармаглот
И пылкает огнём!

Раз-два, раз-два! Горит трава,
Взы-взы – стрижает меч,
Ува! Ува! И голова
Барабардает с плеч!

О светозарный мальчик мой!
Ты победил в бою!
О храброславленный герой,
Хвалу тебе пою!

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

(перевод Д. Орловской)

ПРИСТУПЛЕНИЕ 1.* ПРИБЫТИЕ.

«Здесь нам встретится Снарк!» – Биллибом* вскричал.

(Эту мысль он поймал, почесав в затылке.)

Мягко стукнулся бриг носом о причал.

Над приливной волной взвился голос пылкий:

«Здесь нам встретится Снарк! – снова подтверждаю».

(Загорелась от слов пламенных команда).

«Здесь нам встретится Снарк! – третий раз скажу.

Что я трижды сказал – несомненно, правда!»*

Всяк по-своему был на борту хорош.

Там Башмачник следил за ремонтной частью –

Развалившихся он повидал калош.

Бескозырщик у них был по шляпам мастер.

Бильярдист там блистал (неизвестно в чём).

Брокер счёт вёл вещам, их и продавал он.

Ярко обрисовав миновавший шторм,

Борзописец, юрист, ведал борт-журналом.

От крушенья спасал их Бобёр – но как?

То ли плотник он был, то ли вышивальщик,

То ли как провиант был он взят на бак,

Где Банкир вез с собой денег целый ящик.

Был там кто-то ещё с множеством вещей –

Он их все потерял при отходе судна:

Зонт, часы, тысячу разных мелочей –

В общем всё, что забыл, перечислить трудно.

Чтобы не потерять сорок сундуков,

Он на каждом писал собственное имя.

Но когда бриг отплыл под оркестр гудков,

Был оставлен в порту груз неисчислимый.

Семь пальто с этих пор стали миражом

И пять пар башмаков – это всё же малость.

Но носимое им имя с багажом,
С сундуками тогда вместе затерялось.

Много слов он к тому ж навсегда забыл,
Откликался на «Эй!» и хихикал или
«Чтоб я сдох!» говорил, «Во даёт!» говорил
Или даже: «Кранты!» Или: «Всё – приплыли!»

Так что те, кто преследовать Снарка решил,
Дали бедному прозвище быстро:
И друзья его звали «Огарком души»,
Ну а недруги – просто «Огрызком».

Хоть на вид неуклюж и не очень умён
(Долго в том Биллибом уверял всех),
Очевидно, отчаянным очень был он,
Так что Снарка, видать, не боялся.

Обращался с гиенами* он хорошо,
Он к гиенам презренья не ведал,
А однажды с медведем* в обнимку пришёл,
Чтобы дух, мол, поднять у медведя.

Был он Булочник, но поздно вспомнил про то
(И о том Биллибом сокрушался).
Помнил он, как испечь только свадебный торт,
А у них было плохо с шампанским.

Наконец, в экипаже был штатный дебил,
По обличью – обычный тупица.
Как и все, он на Снарке свихнувшимся был,
И поэтому мог пригодиться.

Но когда бриг с неделю уж плыл по волнам,
Он себя объявил Браконьером,
А затем уточнил, что он спец по бобрам,
Напугав Биллибома безмерно.

Капитан был встревожен и речь накатал,
Где Бобра называл экземпляром,
Самолично которого он воспитал,
И чья смерть будет тяжким ударом.

Молчаливый Бобёр, весь от слез повлажнев,
Эту речь поддержал очень жарко.
Он кричал, что ему жизнь намного важней
И нужней прошлогоднего Снарка.

На другой предложили корабль перевод
Браконьеру, но кэп возразил им,
Что он только что план утвердил на поход
И его отменить он бессилён.

Навигатор важнее иных королей:
И одним кораблем управляя,
Можно сбиться с пути (а для двух кораблей
Вероятность ошибки – двойная).*

Потому-то Бобру предложили терпеть,
Запасаться защитным жилетом,
А на случай, уж если б пришлось умереть,
Он Банкиру обязан советом.

Тот Бобру уступил по доступной цене
Страховые два полиса сразу:
От захвата противником в плен на войне
И несчастного случая с газом.

Но отважный Бобёр с того скорбного дня,
Где б ему Браконьер ни попался,
Все шарахался в сторону, как от огня
И немножечко робким казался.

ПРИСТУПЛЕНИЕ 2. РЕЧЬ БИЛЛИБОМА

Возносила команда хвалу небесам,
Что был кэп их собой сам красивый.
Грациозен, речист был он, как кабестан,
С умным видом всё преподносил им.

Как-то лист он принес, где морей синева
Карты плоскость всю сплошь покрывала.
Экипаж подтянулся, увидев едва
То, что так его интриговало.

«Вот экватора пояс,
А вот – Северный полюс,
Параллели и тропика круг!» –
Биллибом всем кричал,
Каждый вмиг замечал,
Что их нету ни здесь, ни вокруг.

«Чтоб не путаться нам
По мысам, островам,
Мудро я поступил! Ясно всем?
(Экипаж подтвердил)
Эту карту купил,
На которой нет суши совсем!»

Мысль была так прекрасна.
Экипаж не напрасно
Доверял капитану всегда.
Пусть им, как окаянным,
Бороздить океаны,
Но хоть плыть-то известно куда.

Биллибом был серьёзен,
В приказаниях грозен,
Но похоже, что слаб был слегка головой:
«Правый борт – так держать!
Левый борт – придержать!» –
И совсем обалдел рулевой.

Но когда их корма заползла за бушприт,
Капитан приказал не пугаться:
«Дескать, в этих широтах так климат шалит,
Что корабль может носом «снаркаться».

От всех бед отвести их
Биллибом был не в силах,
Был сражен он, как пулей в висок,
Ошибаясь жестоко,
Что при ветре с востока
Плыть не может корабль на восток.

Всё ж опасность промчала,
Снова бриг у причала,
Холм из хлама при выгрузке
взгляд лишь ласкал:
На тоску всей команде
Побережья громады
Тускло скалились скулами скал.

От вождя не укрылась
Экипажа унылость.
Бодрым голосом он рассказал анекдот,
Но, видать, с бородою –
Настроенье не поднял,
А скорей даже – наоборот.

И на крайние меры пошел капитан,
Экипаж одарив щедро грогом.
На трибуне он выглядел, как истукан,
Но казался всем чуть ли не богом.

Начал речь он свою с подходящих цитат:
«Дорогие товарищи! Братья и сёстры!»* –
Загремели овации: каждый был рад
Слышать это, тем более, с тостом.

«Много месяцев плыли мы, много недель
(Кстати, в месяце ровно четыре недели),
Но ни разу нам Снарк не попался нигде
Как мы встретиться с ним ни хотели.

Много плыли недель мы, ещё больше дней
(Я считал, что семь дней на неделе примерно).

Даже я (мне ведь как капитану видней!)
Не узрел его, что характерно.

Потому-то решил я напомнить опять
Чтоб представили вы себе ярко,
Несомненные признаки – их ровно пять,
Подтверждающих подлинность Снарка.

Первый признак: в местах, где он долго живёт,
Вкус особый у воздуха, вроде
Пиджака, что не лезет никак на живот:
Он вам нравится, но не подходит.

Во-вторых, слишком поздно вставать он привык,
Часто завтракает ближе к ночи,
А обедает завтра лишь, слышите вы,
Это кажется странным мне очень.

В-третьих, с юмором Снарк с детства был не в ладах,
Так что шуток он не понимает.
Сразу он, если вы вдруг сострите когда,
Как на похоронах, зарыдает.

А четвертое, что недоступно для нас:
То пристрастие к купальным кабинкам.*
Он их возит с собою и, как на показ,
Расставляет, любуясь картинкой.

Наконец, честолюбие. Вот и дошел
До конца я, до самой морали:
Тот, кто с клювом – не лев, кто клыкаст – не орёл.
Я скажу вам, чтоб вы не зевали:

Хоть обычные Снарки не делают зла,
Но среди них отдельные типы,
Их Бомжуи* зовут...» – речь он не досказал,
Так как Булочник в обморок выпал.

ПРИСТУПЛЕНИЕ 3. ИСТОРИЯ БУЛОЧНИКА.

Приводили они его в чувство и льдом,
И горчицей, и джемом, при этом
Каждый жутко орал, не смолкая, при том
Изливался полезным советом.

Всё ж несчастный очнулся и кое-как сел.
Биллибом перекрикнул всех громко:
«Всем молчать! Чтоб и пикнуть никто не посмел!» –
И свирепо в свой колокол бомкнул.

Тишина стала полной:
Ни вздохов, ни стонов.
И ни визга, ни вопля, ни плача,
Так что Булочник смирно
С сотворения мира
Повесть скорбей земных своих начал

«Предки, как мне известно,
Жили бедно, но честно...»
– «К черту предков!» – прервал капитан.
Бумкнул в колокол гулко:
«Мы здесь не на прогулке,
А за Снарком идём по пятам!»

«Хоть о том и грущу,
Сорок лет пропущу
Я из жизни своей горемычной.
Подхожу уже, вот,
Как однажды в поход
Вместе с вами попал необычный.

Дядя мне на прощанье сказал лишь одно –
Самых честных был правил мой дядя ...»
– «К чёрту честного дядю!» – вспылил Биллибом:
«Ближе к ветру прошу, бога ради!»

Очень скромным по виду был Булочник, но
Он продолжил, хоть колокол бамкал:
«Дядя мне на прощанье сказал лишь одно –
Как поймать настоящего Снарка:

Мылом с милой улыбкою нужно привлечь
Снарка, чтобы с верёвкой и рвением,
И с ножом и с надеждой его подстеречь,
Пригрозив ему акцией паденьем». *

Капитан весь вскипел: «Этот способ – верняк!
Он к успеху приводит нередко!
Будем Снарка отныне ловить только так,
Он хорош будет с хреном и с редькой!»

– «Светозарный* ты мой! – кончил дядя мой так:
Опасайся, ведь если случится,
Что Бомжует окажется пойманный Снарк,
Ты исчезнешь без шанса явиться.»

Я не трус, но... боюсь. Вспомнив дяди слова,
Цепенею, что делать, не знаю.
От «снаркоза» тупеет моя голова,
Весь я будто уже исчезаю».

«Ну так что же? – сказал, озверев, капитан:
«Я не трус, но боюсь – эка новость!»
Булочник огрызнулся: «Вы – здесь, а я – там!
Насовсем! Вот о чем беспокоюсь!

Я не трус и на битву бесстрашно пойду.
Только раньше я спал очень крепко,
А сейчас просыпаюсь в холодном поту:
Снится Снарк мне, весь с хреном и с редькой.

Так что ночью и днём
Думаю об одном:
Как со Снарком померяюсь силой –
И мне страшно сказать –
Вдруг начну исчезать:
Для меня это невыносимо!»

ПРИСТУПЛЕНИЕ 4. ПОДГОТОВКА К ОХОТЕ

Бармаглотную* бледность обрёл Биллибом:

«Надо б нас просветить по дороге,
Ведь сейчас говорить неприлично о том,
Когда Снарк, так сказать, на пороге.

Перспектива открылась у нас не ахти,
Вы же знали о ней изначально,
А теперь не свернуть нам с прямого пути,
И конец близок, жаль, что печальный.

Говорить же об этом
(Как я выше заметил),
Неприлично...» – Его перебил
Тот, кто звался «Огрызком»:
«Я клянусь своей жизнью,
Что давно всех вас предупредил!

Все мы не без греха, пусть меня обвинят
Хоть в убийстве, в безумьи жестоком...
Но чтоб скрыл я опасность грядущих преград?
У меня нет такого порока!

Я сказал вам по-русски,
Повторил по-этрусски,
На иврите вас предупреждал!
Вы ж английский, и только,
Знаете лишь на «тройку» –
Я такого, признаюсь, не ждал».

С вытянувшимся от оскорбления лицом
Биллибом закруглился умело:
«Закрываю дебаты – и дело с концом,
Всем пора приниматься за дело!

Положение обсудим
Как-нибудь на досуге,
А сейчас... – Биллибом приумолк:
Говорил я вам, вроде,
То, что Снарк на подходе –
Так исполним почётный наш долг:

Мылом с милой улыбкой клянемся привлечь
Снарка, чтобы с верёвкой и рвением,
И с ножом, и с надеждой его подстеречь,
Пригрозив ему акций паденьем.

Снарк, вы знаете, это особая дичь.
Просто так в руки он не даётся.
Не надейтесь на случай: чтоб цели достичь,
Попотеть нам изрядно придётся.

Что ж, наверх вы, товарищи, все по местам!*
Будем цепко держаться традиций:
Я достать предлагаю заранееё вам
То, что может в бою пригодиться».

Тут Банкир пару чековых книжек припас,
Серебро обменял на купюру.
Ну а Булочник брючную пару протряс
И пригладил слегка шевелюру.

И Башмачник, и Брокер нашли верный тон –
Заточить подрядились лопату,
Лишь Бобёр вышивал безмятежно крестом,
Ни на миг не поддавшись азарту.

Борзописец тотчас его предостерёг –
И примеры привел очень быстро –
Что Бобёр схлопотать может длительный срок
За проявленное дезертирство.

Бескозырщик свирепо скрутил красный бант
И на шляпу приладил умело.
Бильярдист – уж на что был лихой дуэлянт –

Весь дрожал и свой нос мазал мелом.

Больше всех струсил спятивший враз Браконьер
(Чем и вызвал упрёк капитана),
Он оделся на средневековый манер
И одно лишь твердил беспрестанно:

«Я хочу, как положено это в верхах,
Быть представленным Снарку при встрече».
Но привычно изрёк капитан: «Чепуха!
Ведь ещё, как известно, не вечер».

Вида недруга робость, Бобёр возорлил*
И коленце забавное выдал.
Даже Булочник, хоть толстокожим и слыл,
Подмигнул с понимающим видом.

«Будь мужчиной! – сказал Биллибом: Не рыдай!
Всё, что было, всего лишь цветочки.
Алконос,* птица вещая, кыркнет когда,
Значит, точно: дошли мы до точки».

ПРИСТУПЛЕНИЕ 5. УРОК ДЛЯ БОБРА.

Мылом с милой улыбкою не привлекли
Они Снарка. С верёвкой и с рвением,
И с ножом, и с надеждой не подстерегли,
Промахнулись и с акций паденьем.

Разработал тогда Браконьер хитрый план:
Для засады ущелье приметил,
Где во мраке глухом притаился туман,
Протянувшись, как хвост от кометы.

Но Бобёр (он не к теще пришёл на блины)
Присмотрел то же самое место.
Неприятно они были удивлены,
Оказавшись в расселине вместе.

Шли они, не пытаясь начать разговор,
Шли и только глазами сверкали,
Шли и не замечали друг друга в упор.
Каждый Снарка мечтал заарканить.

Между тем становилось ущелье тесней,
Холодней и мрачней, чем в начале.
А они, среди их обступавших теней,
Чаще соприкасались плечами...

Вдруг слышался визг,
Стон, шипенье и писк.
Как по шву, разошлось даже небо.
Звук был невыносим,
Как в духах керосин.
Стал Бобёр сразу выглядеть бледно.

Ну а на Браконьера аккорд произвел
Впечатленье со странным эффектом:
Он припомнил счастливое детство своё,
Маму тоже он вспомнил при этом.

«Это крик Алконоса! – в сердцах завопил
Тот, кто был по обличью тупицей:
Нам о нём Биллибом столько раз говорил,
Это – он! Я не мог ошибиться!

Это кырк Алконоса! Сомнения нет.
Он явился нам голосом свыше.
Умоляю: считайте скорей – весь секрет,
Чтоб его ровно трижды услышать!»*

И Бобёр вмиг на лапах по пальцу зажал,
Как в далёкие годы ученья,
Но сложенъем зарезан он был без ножа,
Так что лишь хрюкотнул* в огорченьи.

Ведь, когда два в уме,
Больше места в нём нет.
К двум прибавить один слишком сложно.
Он сказал, поразмыслив:
Эти разные числа
Без остатка сложить невозможно».

«Нет, их можно сложить! – возразил Браконьер.
Да, их нужно сложить – без остатка!
Я сложу их, решив этот сложный пример,
Дайте только перо и тетрадку».

Из портфеля достал расторопный Бобёр
И тетрадь, и перо, и чернила.
На поверхность полезли мурашки из нор
Поглазеть, что там происходило.

Но представший их зрень
Ю торчал, словно пень,
Только ручкой водил по ладони.
Подбирая слова,
Пояснения давал,
Так, чтоб даже Бобёр что-то понял:

«К трём (приятней число очень трудно найти)
Мы прибавим двенадцать и девять.
Все умножим на тысячу, но без шести.
(Каждый должен уметь это делать!)

Девятьсот девяносто четыре берём –
На него то, что было, поделим.
Вычтем двадцать один и ... сломалось перо.
Результат, тем не менее, верен.*

Вижу: ход моих мыслей неясен для вас,
Вы следите за ним еле-еле.
Метод мой мог бы стать достоянием масс,
Если б массы чуть-чуть поумнели.

К вековым тупикам на научном пути
Я такие наметил подходы,
Что не сможет никто равнодушно пройти
Мимо странных творений Природы».

Он вошел в дикий раж, перешёл он на ор.
(Все мурашки захлопнули уши).
Несомненно, что он произвёл бы фурор,
Если б кто-нибудь стал его слушать.

«Для начала рассмотрим, что есть Алконос.
Он есть тварь и Природы творенье.
А как есть его, это – отдельный вопрос,
Ведь на вкус он отнюдь не варенье.

Он весьма старомоден, всегда в сюртуке,*
Но общителен с виду и счастлив.
С ним приятно общаться, обжарив в муке
И на постном подперченном масле.

Хоть похож на дельца, взятки он не берёт.
Повторять любит: «Ешь меня с солью!»
Но советую, прежде чем взять его в рот,
Натереть изнутри канифолью.

Вскипятить в надлежащем растворе слегка
(Я бы нарисовал пару формул!),
Но не плющить его, как цыплят «табака»,
А придать симметричную форму».

Браконьер разглагольствовать мог до утра,
Но усёк, что пора закругляться.
От волнения всплакнув, кончил он «на ура»
И Бобра вдруг назвал «милым братцем».

«Братец» был умилён, и скупая слеза
По щеке его наземь скатилась.
«Я за эти минуты...(Бобёр так сказал)
Поумнел весь, как мне и не снилось».

Удивив всех без меры,
Шли Бобёр с Браконьером,
Взявшись за руки. И Биллибом
Брякнул, что эта дружба
Всем примером послужит:
С ней, мол, даже и шторм нипочём.

Неразлучны они стали с этого дня,
Так что, если один лишь был нужен,
Оба или никто - предлагалась одна,
Та из альтернатив, что похуже*.

Даже если случались и чёрные дни,
Когда ссориться им приходилось,
Тот совместный урок вспоминали они,
И на них снисходила всемильность.

ПРИСТУПЛЕНИЕ 6. СОН БОРЗОПИСЦА.

Мылом с милой улыбкою не привлекли
Они Снарка. С верёвкой и с рвением,
И с ножом, и с надеждой не подстерегли,
Промахнулись и с акцией паденьем.

Борзописец, однако, отнюдь не забыл,
Что Бобра уличил в дезертирстве.
Он, как всякий судейский, злопамятным был,
Но во сне был намерен забыться.

И приснился ему не ахти страшный суд
Над свиньёй, убежавшей из хлева.
Был защитником Снарк, он с пенсне на носу
Выступал без пристрастья и гнева.

Безупречен и точен
В показаниях очень
Был свидетель – картина ясна.
И судья так умело
Направлял это дело,
Как и может быть только лишь в снах.

В заключение на три часа Снарк блеснул
Речью проникновенной и чуткой.
Доказал он всем тем, кто ещё не уснул,
Что свинья - не свинья, а голубка.

Впрочем, мненье присяжных сложилось давно
(Благосклонное, что безусловно),
Изложить его каждый намерен был, но
Не понять было в хоре ни слова.

«Бред!» - промолвил судья.
Снарк парировал: «Я
С вами в этом никак не согласен.
Для запутанных дел
Ваш подход устарел,
Он неясен и даже опасен.

Пусть замешана хоть в шпионаже свинья -
Поставщик отбивных для агентов,
Но из хлева исчезнувшую обвинять
В дезертирстве неинтеллигентно.

Факт побега свиньи здесь совсем не при чём,
И он должен проследовать мимо:
Ведь когда в хлев вошли, её не было в нем,
Значит, алиби неоспоримо».

Так старался свинью защитить и спасти
Снарк и выглядел очень отважно.
Оставалось всего-то: итог подвести -
Это дело судьи и присяжных.

Но судья своих функций исполнить не смог,
Не сумел разобраться он в фактах.
Он просил резюмировать Снарка итог,
Что и сделал тот с блеском и тактом.
Всех присяжных как будто столбняк поразил,
И они всё запутали скоро.
Снарк и тут не подвёл, мигом сообразил
И прочёл им вердикт с приговором.

В день невиданных трудностей он доказал,
Что в ораторском смыслит искусстве:
Объявил он: «Виновна!» - сразив этим зал
(С избыточным лишением чувства).

Ждали все приговора в глухой тишине.
Снарк помедлил чуть-чуть нарочито
(У судьи пот ручьями стекал по спине),
Наконец приговор был зачитан.

Жребий бесчеловечный:
«В заключение - навечно!
По отбытии оногo - штраф!»
Зал был полностью счастлив,
Зал вскочил в одночасье,
Всех эмоций своих не сдержав.

Но тюремщик слегка остудил сей экстаз,
Он сказал, обливаясь слезами,
Что подохла свинья, дескать, не дождалась.
Неуютно вдруг сделалось в зале.

Все рванули на выход, судья в том числе,
Только Снарк, проигравший защиту,
И бурчал, и брюзжал убежавшим вослед:
«Дело белыми нитками шито».

Он все громче брюзжал,
Он уже дребезжал...
Борзописца привёл в себя быстро
Колокольчика звон,
Что держал Биllibом
Возле самого уха юриста.

ПРИСТУПЛЕНИЕ 7. СУДЬБА БАНКИРА.

Мылом с милой улыбкою не привлекли
Они Снарка. С верёвкой и с рвением,
И с ножом, и с надеждой не подстерегли,
Промахнулись и с акций паденьем.

И решился Банкир на отчаянный риск
(Был в себе в тот момент он едва ли):
Удалился от всех, чтоб открыть частный сыск,
Так что только его и видали.

В одиночку он Снарка искал, как привык
В коллективе - с надеждой и рвением.
Но заметил злопастный его Брандашмыг*
И настиг в три прыжка, в два мгновенья.*

Сразу выписал на предъявителя чек
Оробевший Банкир, но внезапно,
Свою длинную шею согнув половчей,
Брандашмыг не шутя его тяпнул.

И пришлось тут попрыгать,
Чтоб на зуб Брандашмыгу
Не попасть - снарколов быстро взмок.
Налицо грустный факт:
Хватит то ли инфаркт,
То ли зверь - и свалился он с ног.

К счастью, хищник злопастный пустился в бега,
И его лишь чуть-чуть не настигли.
Биллибом отразил поражение врага
Перезвоном в торжественном стиле.

Изменился Банкир - не узнать и родне -
Изменился и видом и цветом:
Стал он черным с лица, сам же весь побледнел,
Побледнел даже вместе с жилетом.*

Несомненно, что в нем совершился надлом,
Он казался бесформенной массой.
Совершенно своим не владел языком,
Только строил смешные гримасы.

Щелкал пальцами странно,
Подвывал беспрестанно,
В жутком ритме безудержно тряс головой:
Он заткнул себе уши.
Каково ж было слушать
Остальным его горестный вой!

«Хорошо бы оставить его одного, -
Биллибом предположил тревожно:
Нам пора на охоту, а этот - того.
И ему уж помочь невозможно».

ПРИСТУПЛЕНИЕ 8. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ.

Мылом с милой улыбкою не привлекли
Они Снарка. С верёвкой и с рвеньем,
И с ножом, и с надеждой не подстерегли,
Промахнулись и с акций паденьем.

И, казалось, что до появления звёзд
Не достигнуть им цели желанной.
Сдался даже Бобёр, чья душа ушла в хвост.
Вдруг послышался крик капитана:

«Наш «Огарок души», видно, что-то нашёл:
Он кричит «Чтоб я сдох!» - если Снарка
Видит он, это уж чересчур хорошо,
От Судьбы не дождешься подарка».

Удивлённо все замерли, сбившись гуртом,
И глядели восторженно снизу,
Как руками махал на утесе крутом
Их герой безымянный - «Огрызок».

«Он - известный шутник», -
Браконьер проворчал,
Ну а Булочник цепко и резво
Ухватил что-то вроде бы, но сгоряча
С этим чем-то упал прямо в бездну.

«Это - Снарк!» - его крик
Лишь ушей их достиг.
Ждали с трепетом все окончания,
Но ещё только «Бом!»
Крикнул он, а потом,
Как говаривал Гамлет, - молчанье.

Впрочем, кто-то расслышал и два-три смешка,
И неясное «Жуй!» в отдаленьи,
Но другие клялись, что порыв ветерка
Поневоле их ввёл в заблужденье.

Как они ни искали, им не удалось
Отыскать ни малейшей улики.
И минутой молчанья почтили утёс,
Где их Булочник сгинул Великий.

Светлый облик свой в памяти их сохраняя,
Он без шанса явиться обратно
Незаметно исчез среди белого дня...
Ибо Снарк был Бомжужем, понятно?


~~~~~  
КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА  
~~~~~

Стр.4 Снарк (Snark). Результаты многолетних дискуссий и исследований «снарковедов» можно вкратце изложить следующим образом:

1. Этимологически название «Снарк» является «словом-бумажником» (смотри рассуждения Шалтая-Болтая в «Алисе в Зазеркалье»). На роль слов-отделений этого бумажника несколько претендентов: snail (улитка, лежебока), shark (акула, мошенник), snarl (рычание, путаница).

2. Снарк является надреальным символом, конкретное осмысление которого допускает бесконечное множество воплощений:

- сатира на различные политические, общественные, юридические и иные процессы;
- скрытая полемика с некоторыми философскими и научными доктринами;
- постановка проблемы контакта с внеземными цивилизациями.

Стр.3. Бармаглот (Jabberwocky). В тексте поэмы встречаются образы и некоторые нонсенсные слова знаменитой баллады Кэрролла из "Зазеркалья". Не могу себе отказать в удовольствии привести текст оригинала:

JABBERWOCKY

Tw'as brillig, and the slithy toves
Did gyre and gimble in the wabe;
All mimsy were the borogoves,
And the mome raths outgrabe.

«Beware the Jabberwock, my son!
The jaws that bite, the claws that catch!
Beware the Jubjub bird and shun
The frumious Bandersnatch!»

He took his vorpal sword in hand:

Long time the manxome foe he sought -
So rested he by the Tumtum tree,
And stood awhile in thought.

And, as in uffish thought he stood,
The Jabberwock, with eyes of flame,
Came whiffling through the tulgey wood,
And burbled as it came!

One, two! One, two! And through and through
The vorpal blade went snicker-snack!
He left it dead, and with its head
He went galumphing back.

«And hast thou slain the Jabberwock!
Come to my arms, my beamish boy!
O frabious day! Callooh! Callay!»
He chortled in his joy.

Twas brillig, and the slithy toves
Did gyre and gimble in the wabe;
All mimsy were the borogoves,
And the mome raths outgrabe.

В своей работе над «Снарком» я опирался на перевод этого стихотворения Д. Орловской, так как варианты именно её интерпретации имен Бармаглот и Брандашмыг вошли в русскую литературную традицию «алисианы» (смотри, например, перевод романов Желязны «Хроники Амбера»). Однако и другие переводы заслуживают внимания:

ТАРБОРМОШКИ

Розгрень. Юрзкие хомейки
Просвертели весь травас.
Айяют брыскунчейки
Под скорячий рычисжас.

«Сын мой, бойся Тарбормота!
Он когтист, клыкаст и лют.

Не ходи через болото:
Там ведь Цапчики живут!»

Бострый меч берёт он в руки,
Стрембежит в лесной овраг
И в овраге у корняги
Ждёт, когда нагрянет враг,

Тягلودумчиво стоящий,
Ожидает он, и вот,
Бурворча, бредёт сквозь чащу
Пламеглазый Тарбормот.

Он как крикнет! Меч как жикнет-
Голова летит долой!
С ней под мышкой он вприпрыжку
Возвращается домой.

«Победитель Тарбормота!
Дай тебя я лобзниму!
Урробраво! Привеслава!»-
Говорит отец ему.

Розгрень. Юрзкие хомейки
Просвертели весь травас.
Айяют брыскунчейки
Под скорячий рычисжас.

перевод А. Щербакова

УМЗАР

Сверкалось... Скойкие сюды
Волчились у развел.
Дрожжали в лужасе грозды,
И крох засвирипел.

«Ты Умзара страшись, мой сын!
Его следов искать не смей.
И помни: не ходи один

Ловить Сплетнистых Змей!»

Свой чудо-юдоострый меч
Он взял и дринулся вперед,
Но - полон дум - он под Зум-Зум
Раскидистый идет.

И вот, пока он крепко шпал,
Явился Умзар огневой,
И он на рыбацаря напал:
Ты слышишь звонкий вой?

Да, чудо-юдоострый меч
Сильнее Умзара стократ!
Зверой побрит, Герой спешит,
Спешит споржественно назад.

«Я побредил его, Старик!
Позволь, тебя я обниму» -
«Вот этот час, вот этот миг!» -
Отец сказал ему.

Сверкалось... Скойкие сюды
Волчились у развел.
Дрожжали в лужасе грозды,
И крюх засвирипел.

перевод В. Орла

Стр. 4. Приступление (Fit). Слово, которым Кэрролл назвал каждую из частей своей поэмы, допускает множество толкований: порыв, приступ, припадок и даже песнь (у Байрона). Наиболее распространенному варианту подзаголовка «Охоты на Снарка» – «Агония в восьми приступах», который показался мне слишком прямолинейным, я предпочёл «Выступление из восьми приступлений».

Биллибом (Bellman). Первая проблема, с которой сталкивается переводчик «Охоты», это тот факт, что имена всех членов экипажа начинаются на Б(В). Особых затруднений, впрочем, не вызывают Бобёр (Beaver), Булочник (Baker) и Банкир (Banker).

Биллиардный маркер (Billiard-marker) стал просто Бильярди-стом, а в Мяснике-Палаче (Butcher) логично видеть Браконьера. Что касается Брокера, то следует учесть комментарий Мартина Гарднера, что под этим словом у Кэрролла имеется в виду оценщик мебели жильцов, задолжавших хозяину за квартиру. Этот оценщик обычно и продавал затем эти вещи с аукциона (что объясняет действия этого персонажа в четвёртой строфе) - к бирже данный Брокер отношения не имеет. Башмачник (Boots) является, собственно, чистильщиком обуви в отеле, а не мастером-сапожником, но я предпочел настоящий вариант перевода - превратить его в мальчишку Билетёра (как у Григория Кружкова) - это уж слишком. Шляпник (The maker of Bonnets) на борту корабля вполне естественно стал Бескозырщиком. Адвоката (Barrister) можно было бы оставить и Барристером, но это понятие (в отличие от брокера) в русском языке не прижилось, поэтому я назвал его Борзописцем (где-то по касательной к русскому крючоктвору). Капитан корабля и организатор охоты на Снарка Bellman ассоциируется, безусловно, со звонарём, городским глашатаем, хранителем корабельного времени (отбиваемых колоколом склянок) и с председателем собрания, вооружённым колокольчиком. Мой вариант имени Биллибом основан на звукоподражательности звону, а также на сходстве с именем известного пирата, пришедшего к нам опять же из Англии - Билли Бонса. Следует отметить и перевод Кружкова - Балабон.

Высказывание капитана об истинности трижды произнесенных слов получило распространение в научной и научно-популярной литературе и носит название правила тройного подтверждения (The rule-of-three): «Вряд ли можно думать, что передача важного сообщения может быть поручена одному нейрону или что важная операция может быть поручена одному нейронному механизму. Как и вычислительная машина, мозг, вероятно, действует согласно одному из вариантов того знаменитого принципа, который изложил Льюис Кэрролл в «Охоте на Снарка»: «Что три раза скажу, тому верь». (Норберт Виннер - «Кибернетика и психопатология»).

Стр. 5. Сторонники толкования «Снарка» как аллегии бизнеса видели в гиенах биржевых маклеров, а в медведе - биржевика, играющего на понижение.

Стр. 6. «Вероятность ошибки - двойная». Вопрос о том, истинно или ложно это утверждение, не так прост, как кажется.

Стр. 8. В оригинале - цитата из известной речи Антония над телом Цезаря (Шекспир - «Юлий Цезарь»). Но... известной в Англии, а не в России. Поэтому я взял в качестве эквивалента сумму начальных обращений из речей Брежнева и Сталина.

Стр. 9. Купальные кабинки - атрибут викторианской эпохи. Представляли из себя крытую повозку, которую лошади затащивали в воду на желаемую глубину, т.е. являлись своего рода индивидуальными купальнями, а не просто кабинками для переодевания.

Бомжуй (Boojum). Обычно используется транскрипционный перевод - Буджум, не вызывающий никаких ассоциаций у русского читателя. Между тем, в английском языке существовало созвучное слово «boogiemан», означавшее привидение, домового или нечто, внушающее ужас - им пугали маленьких детей.

Стр. 11. Эта строфа повторяется в поэме 6 раз (в нескольких вариантах). Она прочно вошла в фонд крылатых выражений английского языка и не раз цитировалась во всевозможных сочинениях. Элспет Хаксли, вдова Олдоса Хаксли, назвала книгу своих воспоминаний «With Forks and Hope».

Привожу текст оригинала и перевод Григория Кружкова:

You may seek it with thimbles -
and seek it with care;
You may hunt it with forks and hope;
You may threaten its life
with a railway-share;
You may charm it
with smiles and soap.

Ты с умом и со свечкой
к нему подступай,
С упованьем и с крепкой дубиной,

Понижением акций ему угрожай
И пленяй процветанья картиной...

Светозарный (beamish). Слово из «Бармаглота».

Стр. 12. Бармаглотную. В оригинале - слово-неологизм «uffish» из «Jabberwocky», отсутствующее в переводах на русский.

Стр. 13. В английском тексте цитируется фраза, переданная по приказу Нельсона флажками перед битвой при Трафальгаре.

Стр.14. Возорлил (galumphing = gallop + triumphant) - ещё одно слово из «Jabberwocky», отсутствующее в переводе Орловской.

Алконос - образовано от названия сказочной птицы славянской мифологии - Алконоста - взамен английского «Jubjub», являющегося, очевидно, тоже «словом-бумажником»: jug-jug (пение соловья) + hubhub. Алконост часто изображался на русских лубочных картинках. Из недавних явлений Алконоста следует упомянуть:

Птица Сирин мне радостно скалится -
Веселит, зазывает из гнезд,
А напротив - тоскует-печалится,
Травит душу чудной Алконост.

Владимир Высоцкий

Стр. 15. Снова правило тройного подтверждения.

Хрюкотнул - а это слово в переводе Орловской имеется.

Стр. 16. «Результат, тем не менее, верен». У Кэрролла это - также вычисляемый пример. Перевод Кружкова не соответствует замыслу автора.

Стр. 17. Сюртук. Уместно напомнить, что Алконост также изображается в виде птицы с человеческим лицом.

Стр. 18. Найди логическую ошибку.

Стр.21. Брандашмыг (Bandersnatch) - персонаж из «Jabberwocky». По объяснению самого Кэрролла место действия «Снарка» - тот самый остров, где был убит Бармаглот и где живет Брандашмыг.

Отсюда нетрудно вычислить скорость передвижения Брандашмыга, который известен своей стремительностью.

Исследователи усматривают здесь параллель с известным лимериком Эдварда Лира:

There was an Old Man of Port Grigor,
Whose actions were noted for vigour;
He stood on his head,
till his waistcoat turned red,
That eclectic Old Man of Port Grigor.

* * *

Был спортивный старикан из Ньюкасла,
со своим жилетом йогой увлекался:
он стоял на голове,
а жилет с ней багровел.
Был доволен старикан из Ньюкасла.

(пер. Н. Гоголева)